

УБИЙСТВО В МЕГАПОЛИСЕ

ПЕРЕЙРА

СЕБАСТЬЯН

МЕГАПОЛИС В УБИЙСТВЕ

Себастьян Перейра

**Убийство в мегаполисе,
мегаполис в убийстве**

«Автор»

2026

Перейра С.

Убийство в мегаполисе, мегаполис в убийстве / С. Перейра —
«Автор», 2026

Правда это настоящий яд. Чем ближе к ней подходишь, тем холоднее становится. Августовская Москва задыхается в зное. Главный герой, раздавленный разводом и тишиной пустой квартиры, мечтает сбежать от собственной жизни. Но мегаполис имеет на него другие планы. Один звонок в выходной, и он переступает порог офиса, за которым уже не работа, а бездна: тело под чёрным полотном, ослепшие камеры и взломанная серверная. Это история не о том, кто убил. Это история о том, что настоящий убийца - это не человек с ножом, а порядок вещей, город, алгоритм, который рушится, когда ты решаешь заглянуть ему в глаза, в его улочки, в его строки... Человек в чёрных очках ведёт охоту не за преступником, а за правдой. Но правда здесь не спасение, а приговор. Если ты ищешь истину в мире лжи, приготовься к тому, что тебя сотрут в пыль. Однако выбор, который ты делаешь в этой холодной тишине, единственное, что действительно принадлежит тебе. И вам предстоит сделать этот выбор. Даже если он станет последним.

© Перейра С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Себастьян Перейра

Убийство в мегаполисе, мегаполис в убийстве

Глава

Автор: Себастьян Перейра.

От автора

Это не просто история об убийстве. Это история о том, как город дышит, когда мы этого не видим, и как его тени ложатся на судьбы людей.

Вы держите в руках первую часть большой серии. Возможно, вам покажется, что перед вами классический детектив: есть жертва, есть подозреваемые, есть сыщик, который методично собирает улики. Но я прошу вас смотреть глубже. За строчками, за диалогами и за жестами героев скрыта другая, невидимая канва.

В этой книге, как и в последующих, я заложил то, что не имеет физической формы. Это не предметы, которые можно потрогать, и не слова, которые лежат на поверхности. Это пасхалки отголоски прошлого, предвестники будущего и размышления о цене правды. Они рассыпаны по страницам, словно осколки зеркала, в которых отражаются судьбы. Когда вы встретите упоминание о ключах, которые вечно роняет один герой, или заметите в толпе человека, который всегда находится на шаг позади, знайте, это не случайность. Это звенья одной цепи. Их необходимо найти. Внимательно читайте и изучайте текст, потому что всё заложено внутри.

Детектив — это не просто жанр. Это способ спросить самого себя: «Готов ли я увидеть правду, даже если она разрушит мои иллюзии?» Наш главный герой, стоит на пороге новой жизни. Он разведён, одинок, и весь мир вокруг него рушится. Мне хотелось показать, что происходит с человеком, когда он оказывается втянут в чужую игру: страх сковывает разум, но именно в этот момент рождается главная сила — это способность замечать детали, которые другие пропускают.

В каждой книге серии «от автора» звучит свой, особый голос. Но всегда есть то, что я называю стержнем: правда — это сила, но у неё всегда есть цена. В первой книге мы платим за правду одиночеством и доверием к тем, кто, возможно, вовсе не заслуживает этого доверия. Это послание о том, что иногда, чтобы найти ответы, нужно принять тяжёлый вызов, остаться одному и не сломаться.

Вернитесь к началу, когда закончите. Перечитайте разговор в серверной или сцену в кафе. Вы увидите, что всё уже было сказано тогда, просто в другой форме. А если вам удастся найти связь между зонтом, забытым в гостинице, и мостом, который наш герой пересекает в финале, а значит, вы научились слышать этот город.

Пришло время погрузиться в тайну. Помните: всё, что вы ищете, уже ждёт вас внутри.

«Убийство в мегаполисе и мегаполис в убийстве»

Раздался телефонный звонок. Резкий, назойливый, словно комар в душной ночи, хотя на часах было утро. На экране высветился знакомый контакт. Голос в трубке был сух, холоден и исполнен той особой почтительной строгости, которая всегда предвещает недоброе.

— Доброе утро, Георгий. Прошу вас приехать незамедлительно на работу. Понимаю, что сегодня воскресенье и вы, возможно, желали отдохнуть, но дело не терпит отлагательств.

Август в Москве выдался иссушающим. Воздух стоял раскаленный, как в печи, и выйти на солнце было сущим наказанием, пот тотчас проступал на спине, липкий и холодный, напоминая о тщетности всех усилий перед лицом природы. В парке, мимо которого лежал путь, деревья разбрасывали густую, спасительную тень, но она лишь подчеркивала беспощадность зноя. Облака, редкие и сиротливые, ползли по выцветшему небу, как будто и они искали убежища от этой невыносимой духоты.

Прохожие, попадавшие навстречу, были поглощены собой; они низко склонялись над своими электронными устройствами, этими маленькими зеркалами, в которых отражалась вся их суетная жизнь. Они жадно поглощали информацию, словно утоляли духовную жажду, но не находили в ней ничего, кроме беспокойства. Дети же, напротив, резвились, убегая от родителей, не внемля их тревожным окрикам, и в этой детской непоседливости было больше жизни, чем во всех взрослых, закованных в свои привычки и заботы.

Дорога обрывалась лестницей, уходящей в подземелье — рукотворную преисподнюю, созданную человеком. Метрополитен пронизывал мегаполис вдоль и поперек, соединяя судьбы в единый узел, и в его прохладных вагонах можно было найти минутное, но обманчивое успокоение.

От начала до конца пути проходил час. Пассажиры, как приговоренные, занимались своим делом, кто-то дремал, кто-то внимал музыке, кто-то читал книгу. В этот выходной день мест было довольно, и каждый мог устроиться с комфортом, словно в собственном маленьком узилище. За окнами мчались провода, призрачные обитатели этого подземного мира. Станции сменяли друг друга, и механический голос вещал их имена, а на табло вспыхивали сообщения, обещающая каждому путнику предсказуемость его пути. Неумолимая логика машины, вплетенная в жизнь человека.

Полдень наступил внезапно, и время, казалось, кануло в бездну прошедших минут. Помимо метро, Москва была окутана паутиной автобусных маршрутов и такси, услугами которых можно было воспользоваться в одно касание. Технический прогресс неумолимо вошел в жизнь горожан, подчинив себе пространство и время. Дороги бежали вперед, не зная предела, как нити судьбы, сплетая на перекрестках жизни людей в единый, неразрывный узор. Встречая человека, мы никогда не ведаем, какое значение будет иметь эта встреча: мимолетное ли это дуновение или роковой поворот всей жизни.

Часто поворот, от которого невозможно уклониться, устрашает своей неизвестностью, он пугает тем, что после него жизнь уже не будет прежней. И в этом есть своя мучительная прелесть на перекрестках, где цена выбора есть либо разочарование, либо реальность, не сопоставимая с иллюзией, которая задавала смысл. И все же жизнь способна так круто изменить судьбу, что одна незначительная ситуация послужит новым витком развития.

Георгий сидел в душном вагоне. Поезд старого образца, и приходилось терпеть открытые окна, куда врвался горячий ветер из тоннелей. В руках он сжимал книгу по цифровым технологиям, пытаясь сосредоточиться на задаче. Но взгляд его бегал по строчкам, не находя покоя. Время близилось к обеду, и он готовился к выходу, размышляя о том, почему звонок в выходной день был столь холоден и официален. Неужели очередной срыв сроков? Или же наступал момент, когда требовалось принять решение, которое перечеркнет все прежние планы?

Неподалеку от работы стояло кафе, которое даже в зной манило своей прохладой и запахом выпечки. Внутри было тихо, уютно, казалось, даже стены здесь дышали покоем. Однако Георгий, войдя, сразу же заметил неладное. Бармен, обычно собранный и приветливый, выглядел так, словно боролся с чем-то невидимым всю ночь. Руки его дрожали, на лбу блестела испарина, он неловко уронил стаканчик, пытаясь поймать его, и лишь тихо выругался.

— Тяжелая ночь? — спросил Георгий, внимательно наблюдая за ним.

Бармен вздрогнул, стараясь скрыть беспокойство:

— Не спрашивайте... Такая, что до сих пор не отпускает.

Внезапно на улице, выходя из кафе, Георгий столкнулся с девушкой. Она неслась сломя голову, оглядываясь назад, и взгляд ее был полон тревоги. Столкновение было неминуемо и стаканчик с кофе выпал из рук и разбился о раскаленный асфальт, оставив темное пятно.

— Простите! Простите! — пробормотала она и, даже не взглянув на Георгия, побежала прочь.

Георгий её узнал. Это была белокурая девушка из отдела продаж стройная, высокая, всегда приятно улыбалась, когда они встречались взглядами. Он не придал инциденту особого значения, но кофе было искренне жаль, его варили с душой и любовью. Впрочем, на этаже есть кофейный автомат, который приготовит не менее приятный напиток.

Выйдя на перпендикулярную улицу, Георгий невольно замедлил шаг. Прямо перед ним, разрезая раскалённый воздух, открылась широкая аллея фонтанов их водяные струи лениво взлетали и опадали, словно город пытался дышать сквозь этот каменный зной. В конце аллеи, закрывая собой полнеба, стояло высотное здание главного офиса стекло и сталь, этаж за этажом, привычная громада, которую он видел сотни раз.

Но сегодня привычное было нарушено. На площади перед входом, переливаясь синим и красным, застыли несколько полицейских экипажей. Чуть поодаль, отдельно от всех, стояла машина Следственного комитета, та самая, чьё появление здесь само по себе означало, что случилось нечто из ряда вон. И довершал картину автомобиль скорой помощи с распахнутыми задними дверцами, откуда двое санитаров выгружали носилки. На каждой машине беззвучно, но неумолимо вращался проблесковый маячок, разбрасывая по асфальту тревожные блики.

Георгий на мгновение застыл. Такого скопления служб он не видел здесь ни разу. Даже в самые напряжённые дни офисная площадь оставалась островком предсказуемости, а теперь казалось, что сама земля под ногами стала зыбкой. Тревога повисла в воздухе, смешиваясь с жарой и запахом нагретого бетона.

Периметр входа был оцеплен заградительной лентой, ярко-жёлтой, с чёрной надписью, которую Георгий не стал вчитываться. У ленты, расставив ноги и скрестив руки, стояли двое патрульных. Они молча следили за порядком, изредка бросая короткие взгляды на прохожих. Зеваки уже начали скапливаться по ту сторону ограждения, кто-то замедлял шаг, кто-то откровенно всматривался вглубь площади, пытаясь понять, что же там произошло.

Георгий подошёл к ленте и остановился. Один из патрульных широкоплечий, с усталыми глазами и сразу перевёл на него внимание. Встретившись с ним взглядом, сделал короткий жест рукой: подойди.

Патрульный неспешно, вразвалку, приблизился. Остановился ровно с другой стороны ленты.

— Старший сержант Ковалёв, — произнёс он без лишних эмоций. — Слушаю вас.

— Георгий, — коротко ответил тот. — Мне нужно пройти внутрь. Меня вызывали. Ждут для решения задач.

Патрульный чуть прищурился, окинул его взглядом с головы до ног, оценивая.

— Документы, удостоверяющие личность, и пропуск, — сказал он ровно. — Будьте добры.

Георгий достал из внутреннего кармана паспорт и пластиковый пропуск, протянул через ленту. Сержант принял, повертел в пальцах, внимательно изучил фотографию, затем сверил с лицом. Вернул обратно.

— Ожидайте, — бросил он и, отступив на шаг, поднёс рацию к губам. — Пост номер один. Тут гражданин... — он снова глянул на Георгия. — Назовите фамилию.

Георгий назвал. Патрульный продолжил в рацию:

— Гражданин Георгий на входе. Говорит, вызывали. Пропуск при нём. Какие будут указания?

Рация зашипела, и сквозь помехи донёлся короткий ответ:

— Пропустить. Сейчас выйдут.

Ждать пришлось не больше двух минут. Из тёмного проёма центрального входа бесшумно вышел человек. Чёрный костюм, чёрные очки несмотря на жару, ни одной расстёгнутой пуговицы, ни одной складки. Он двигался быстро, но без суеты, и весь его вид говорил о том, что этот человек здесь не зритель. Подойдя почти вплотную к ленте, он остановился за спиной патрульного и негромко окликнул:

— Ковалёв.

Сержант обернулся. Человек в чёрном ничего не сказал, а лишь едва заметно кивнул. Патрульный понял без слов. Он развернулся обратно к Георгию, взялся за ленту и приподнял её, сделав шаг в сторону.

— Проходите, — сказал он. — Вас проводят.

Георгий наклонился, шагнул под натянутой лентой и выпрямился уже по ту сторону. Впереди, у самого входа, его ждал человек в чёрном. Ни жеста, ни приветствия только разворот на каблуках и сухое, брошенное через плечо:

— За мной.

Новый таинственный незнакомец провёл его через главный вход, не через вертушки, как обычно, а через распахнутые стеклянные двери, которые в обычные дни были заперты для посетителей. Едва Георгий переступил порог, как привычный мир офиса отступил, сменившись чем-то чужим и тревожным.

Холл первого этажа, всегда наполненный ровным гулом голосов и шагами спешащих сотрудников, сейчас был неестественно тих. Люди здесь были, но говорили они вполголоса, почти шёпотом, словно боялись нарушить негласный запрет на громкие звуки. Этот приглушённый гул создавал странное, давящее ощущение: будто само здание затаило дыхание.

Георгий медленно обводил пространство взглядом, впитывая детали. Полицейских было не много они находились на первом этаже. Они стояли группами и их лица были сосредоточенны и хмуры.

Чуть поодаль, у стены, притулилась небольшая группа медицинского персонала. Двое санитаров в голубых форменных рубашках стояли рядом с носилками, но сами носилки были пусты и стояли вертикально, прислонённые к стене. Врач немолодая женщина в очках, что-то негромко говорила своему коллеге, и по её жестам, по тому, как она изредка поглядывала в сторону, Георгий понял они ждут, разрешения начать свою работу, когда закончат криминалисты и следователь. Ждут, когда им разрешат подойти.

И тогда его взгляд упал на пол рядом с ними. На сером мраморном покрытии, в нескольких метрах от медиков, лежало нечто, укрытое плотным чёрным полотном. Материя была тяжёлой, матовой, и она обрисовывала контуры человеческого тела. Плечи, грудная клетка, ноги — всё угадывалось под этой чернотой, и от этого становилось холодно внутри. Полотно лежало неестественно ровно, без складок, словно его только что заботливо расправили.

Георгий задержал дыхание, но человек в чёрном, идущий впереди, вдруг остановился. Они как раз поравнялись с помещением охраны. Дверь в него — всегда наглухо закрытая, скрытая от посторонних глаз, а сейчас была распахнута настежь. И они встали ровно рядом с проёмом.

Георгий замер у него за плечом и, пользуясь неожиданной заминкой, жадно взгляделся внутрь.

Комната охраны тонула в приглушённом, почти сумеречном свете. Главным источником были не потолочные лампы, а десятки мониторов, закрывающих целую стену от пола до потолка. Каждый из них в обычный день показывал свою картинку: входные двери, коридоры,

лифтовые холлы, парковку. Но сейчас несколько экранов зияли чёрными картинками, говоря о том, что камеры не доступны. На остальных застыли неподвижные кадры пустых лестниц и переходов, и только на одном, крайнем, мелькали фигуры полицейских, что копошились в холле. Георгий видел их одновременно и вживую, и на экране.

Стол охраны был завален бумагами в хаотичном, явно нарушенном порядке. Папки лежали раскрытыми, какие-то листы были выдернуты и разбросаны, другие сложены неровной стопкой. На столе и бумагах были небольшие красные пятна. Видно было, что здесь уже поработали чужие руки: смотрели, перебирали, искали. На самом краю стола, чудом не падая, примостилась прозрачная пластиковая крышечка от кофейного стаканчика — точно такая же, какую Георгий только что потерял на улице. Увидев её, он невольно задержал взгляд: маленькая, нелепая деталь среди разгрома.

А на полу у ножки стола лежал сам стаканчик — скомканный, пустой, с тем самым знакомым логотипом, что остался на тротуаре за углом. Рядом с ним рассыпалось несколько белых листов бумаги, один из которых был примят каблуком.

В углу комнаты, на стене, висел небольшой телевизор. В суматохе о нём, видимо, забыли, и он продолжал показывать какой-то дневной фильм, кажется, старый советский детектив. Звук был убран почти до нуля, но с порога можно было разобрать обрывки тихих реплик. Контраст между будничным киношным сюжетом и тем, что происходило здесь в реальности, резанул Георгия сильнее, чем он ожидал.

В самой комнате охраны работали криминалисты: их было двое мужчин в тёмных пиджаках и тонких латексных перчатках. Один методично водил кисточкой по поверхности стола, оставляя за собой тёмный порошок. Второй склонился над дверным косяком, осматривая его при помощи маленького фонарика. Они не переговаривались. Вся работа шла в гробовой тишине, нарушаемой лишь негромким шипением рации у кого-то из полицейских в холле да тихим бормотанием врачей у стены.

Человек в чёрном, казалось, специально дал Георгию несколько секунд, чтобы увидеть всё это. А затем, не оборачиваясь, сделал короткий жест рукой и двинулся дальше.

Незнакомец, не проронив ни слова, развернулся и направился к лестнице. Его шаги были быстрыми и уверенными, и Георгий, всё ещё обдумывая увиденное в холле, послушно следовал за ним.

Лестница встретила их привычным полумраком и запахом нагретого бетона, тем запахом, который, казалось, вьёлся в эти стены с момента постройки здания. Но сегодня к нему примешалось что-то ещё: едва уловимый запах уличной пыли и резины. Георгий опустил взгляд на ступени и невольно отметил то, чего раньше здесь никогда не было. Серая плитка была исчерчена тёмными полосами, наверное, следами от обуви, оставившей характерные черные штрихи. Они тянулись вверх, пересекались, наслаивались друг на друга, образуя хаотичный узор. Слишком много следов для одного человека. Похоже, полицейские поднимались здесь целой группой, и подошвы их ботинок оставили эту немую летопись утренней суеты.

Георгий перешагивал через эти отметины машинально, но мысль зацепилась: раньше лестница была чистой, почти стерильной. Уборщица драила её каждое утро, и серая плитка всегда выглядела так, будто по нему ещё никто не ходил. Сегодняшние же следы были немymi свидетелями того, что здесь прошли люди, которым было не до аккуратности.

Они поднялись на второй этаж, и спутник остановился, пропуская Георгия вперёд в коридор. Здесь, наверху, было тише, чем в холле. Полицейские остались внизу, и лишь одинокий сотрудник в штатском стоял у дальнего окна, разговаривая по телефону. Офисные двери были закрыты, но в щели между ними и полом пробивался свет, значит, внутри кто-то был. Возможно, те самые люди в пиджаках и перчатках, что работали с поверхностями.

В дальнем конце коридора, за неприметной дверью без таблички, располагалась серверная, это сердце компании, где гудели стойки с оборудованием и происходили все электронные

операции, связывающие офис с внешним миром. Дверь в неё была приоткрыта, но свет внутри не горел.

Человек в чёрном сделал ещё несколько шагов и остановился ровно напротив входа в серверную. Он не стал открывать дверь, не стал приглашать войти. Вместо этого он развернулся к Георгию и замер.

Их разделяло не больше полутора-двух шагов. Расстояние, которое можно преодолеть за секунду, но сейчас оно ощущалось как пропасть.

Они стояли абсолютно неподвижно. Лицо этого человека, скрытое за тёмными очками, было непроницаемо, а поза та самая, какую вырабатывают годы службы: прямая спина, расправленные плечи, руки свободно опущены вдоль тела, но готовы в любой момент прийти в движение. Он не делал попытки заговорить первым. Он просто смотрел, и Георгий чувствовал этот взгляд даже сквозь тёмные стёкла. Взгляд, который изучал, оценивал, взвешивал.

Георгий выдержал его. Он тоже не отвёл глаз и не сделал шага назад. В этой молчаливой паузе, затянувшейся на несколько долгих секунд, воздух, казалось, стал плотнее. Где-то за стеной, гудели невидимые серверные вентиляторы, и этот низкий, монотонный звук был единственным, что нарушало тишину между ними.

Очки не давали прочесть его истинные эмоции, и Георгий вдруг осознал, что этот человек привык оставаться непрочитанным. Вся его внешность — костюм, очки, скупая жестикация была инструментом, который работал на него годами.

Они стояли друг напротив друга, двое мужчин, каждый из которых привык оценивать обстановку быстрее, чем обычный человек успевает моргнуть. И в этом молчании, в этой короткой стоянке у дверей серверной, происходил безмолвный разговор, который не требовал слов. Георгий чувствовал, что оценивают его реакцию, как шахматист оценивает ход. И человек в чёрном, кажется, понял, что перед ним не просто сотрудник, вызванный в выходной. Перед ним тот, кто умеет смотреть и видеть, говорить и слушать.

Ещё мгновение и таинственный человек снова кивнул, на этот раз медленнее, словно подтверждая для себя какой-то вывод. Но на третий этаж он по-прежнему не спешил подниматься. Там, этажом выше, находился кабинет владелицы компании. И, видимо, всему своё время.

Никто из них не шевелился, и пауза между ними, казалось, звенела, как натянутая струна. Георгий уже начал было думать, что они так и простоят молча до самого вечера, когда незнакомец заговорил. Голос у него оказался глухим, без интонационных перепадов ни дружелюбия, ни угрозы, только спокойная, выверенная речь человека, который привык получать ответы.

— Георгий, я хочу задать вам несколько вопросов. Для прояснения картины.

Он не представился и не объяснил, почему имеет право спрашивать. Георгий отметил это про себя, но промолчал.

— Как долго вы работаете в компании?

— Почти двадцать лет, — ответил Георгий ровно. — Пришёл сюда сразу после института и остался.

— Двадцать лет — солидный срок. Всех ли вы знаете из сотрудников? Лично, в лицо, по именам.

— Практически всех. Компания небольшая, текучка минимальная. Многих помню с первого дня, с кем-то пересекаюсь постоянно, с кем-то реже. Но лиц незнакомых здесь практически не бывает.

Оппонент Георгия едва заметно качнул головой и не соглашаясь, а словно принимая информацию к сведению. Затем без паузы спросил:

— Какую именно работу вы выполняете? Чем конкретно занимаетесь в компании?

— IT-отдел, — Георгий позволил себе небольшую паузу, подбирая слова. Разработка, аналитика, подготовка отчётов, презентаций, технической документации. Сопровождение проектов перед сдачей, предпоказы. Всё, что связано с цифрами и их отображением на бумаге и экранах.

— То есть вы знаете всю внутреннюю кухню, — это был не вопрос, а скорее утверждение.

— Можно сказать и так.

Человек в чёрном чуть сдвинул голову, и стёкла его очков блеснули в тусклом коридорном свете. Он снова помолчал, прежде чем задать следующий вопрос, и в этом молчании было что-то расчётливое.

— Вы недавно вернулись из командировки. Куда выезжали?

— Да, буквально сегодня ночью вернулся из Санкт-Петербурга, — Георгий смотрел прямо в тёмные линзы, стараясь, чтобы голос звучал буднично.

— Как вам город?

— Город замечательный. Превосходный, я бы сказал. И, на удивление, повезло с погодой. Когда я приехал, дождь как раз закончился, и всё время, что я там находился, светило солнце. Для Петербурга это редкость. Вернулся в пятницу вечером, «Сапсаном».

— В пятницу вечером... — эхом повторил незнакомец. — Стало быть, все выходные вы были уже здесь, в городе.

— Да.

— А когда вы должны были выйти на работу и чем планировали заняться?

— Завтра, в понедельник, — сказал Георгий. — Первым делом с утра должен был представить отчёт о командировке лично главе компании. Рассказать основные претензии заказчика к проекту, представить расчёты по устранению недостатков и пожеланий. Это стандартная процедура.

Человек в чёрном снова ничего не записал, но у Георгия возникло ощущение, что каждое его слово откладывается где-то в памяти этого непроницаемого собеседника.

— А чем вы занимаетесь помимо работы? — вопрос прозвучал мягче, почти светски. — Хобби, увлечения.

Георгий чуть прищурился — поворот разговора становился всё более странным.

— Спортзал, когда есть время. Играю на гитаре для себя. Читаю книги. Иногда выбираюсь на выставки, если позволяет график.

— Вы хорошо образованы и разносторонни, — произнёс собеседник без тени комплимента, просто констатируя факт. — Семейное положение? В данный период.

Георгий выдержал короткую паузу, но ответил честно:

— В разводе. Есть дочь.

Человек в чёрном чуть наклонил голову то ли в знак уважения к откровенности, то ли завершая невидимый список вопросов. И тогда Георгий, не дожидаясь нового витка, спросил сам. Голос его оставался спокойным, но внутри поднялась холодная волна:

— Это допрос?

Человек стоявший перед ним позволил себе нечто похожее на тень улыбки одними уголками губ, едва уловимой, но заметной вблизи.

— Нет, — ответил он. — Это просто общение. Просто беседа.

Он развернулся и сделал шаг в сторону серверной, давая понять, что разговор окончен. Но Георгий остался стоять на месте, переваривая услышанное.

Просто общение. Беседа. Он мысленно прокрутил в голове все вопросы методичные, выстроенные по невидимой линии. Так, что в начале работа, потом личное, потом командировка, потом семья. Ничего случайного. Каждый вопрос был кирпичиком в чьей-то картине. Его проверяли, прощупывали, смотрели, как он реагирует, где запнётся, где покраснеет или отведёт взгляд. И то, что это называлось «неформальной беседой», означало лишь одно: дело,

ради которого его вызвали, гораздо серьёзнее, чем он предполагал. А он сам, возможно, не просто свидетель. Возможно, он в какой-то момент оказался по ту сторону невидимой линии, которую уже прочертили следователи.

Георгий посмотрел вслед удаляющейся фигуре. А он молча стоял у двери серверной и, казалось, ждал. Третий этаж, где находился кабинет владелицы компании, пока оставался недоступным, и это молчание говорило громче любых слов.

Человек в чёрном первым переступил порог серверной, и Георгий, помедлив долю секунды, последовал за ним. Внутри было темно, но не кромешно. Холодный, какой-то потусторонний свет исходил от десятков крошечных индикаторов на лицевых панелях стоек. Синие, зелёные, редкие янтарные огоньки мерцали в такт невидимым процессам, и в этом подвальном, безоконном помещении они заменяли звёзды. Гул вентиляторов здесь ощущался плотнее и не звук даже, а давление на барабанные перепонки, низкий и непрерывный, как дыхание спящего зверя.

Таинственный незнакомец нащупал рукой выключатель, и верхний свет залил серверную холодной люминесцентной белизной. Георгий зажмурился на мгновение, а когда открыл глаза, перед ним предстала картина одновременно знакомая и вызывающая смутную тревогу.

Стойки с оборудованием тянулись ровными рядами, уходя в глубину помещения. Высокие, в человеческий рост, они гудели размеренно и монотонно. Кондиционеры под потолком гнали охлаждённый воздух, и в проходах между рядами гулял лёгкий сквозняк, система климат-контроля работала в штатном режиме, поддерживая необходимую для оборудования температуру. Всё выглядело так, как должно было выглядеть.

Но не совсем.

Георгий прошёлся взглядом по ближним стойкам и задержался на дальнем ряду. Две стойки в самом конце, те, где располагались основные процессорные блоки и массивы жёстких дисков, были приоткрыты. Их передние панели, обычно наглухо закрытые на ключ и опечатанные, сейчас чуть отошли от корпуса, и в щелях виднелись разноцветные провода и холодное свечение внутренних индикаторов. Крошечное нарушение, которое посторонний и не заметил бы, но Георгий знал регламент.

— Георгий, — голос раздался неожиданно близко, — посмотрите внимательно. Видите ли вы что-то необычное в обстановке? Всё ли на своих местах?

Георгий обвёл помещение ещё одним, более медленным взглядом. Он не хотел ошибиться.

— В целом всё на месте, — начал он, тщательно подбирая слова. — Оборудование на своих позициях. Стойки работают, индикация в норме. Климат-контроль функционирует. Визуально ничего критичного.

Он сделал паузу и повернулся к человеку в чёрном.

— Но есть два нарушения, которые я вижу сразу.

Тот молча ждал.

— Первое, — Георгий обернулся назад, указывая на дверь, через которую они вошли, — входная дверь. Она была открыта. По регламенту доступ в серверную строго по электронным пропускам, с чипом и биометрией. Дверь должна быть всегда заперта, а здесь она была открыта. Я заметил это ещё когда вы подошли к ней.

Человек в чёрном кивнул — сухо, без комментариев, позволяя продолжать.

— И второе, — Георгий указал рукой в сторону дальнего ряда, — две стойки в конце. Там, где основные вычислительные мощности и дисковые массивы. Они приоткрыты. Передние панели не зафиксированы. По регламенту такого быть не должно. Эти стойки опечатываются и вскрываются только с ведома старшего смены системного администратора. Даже уборку внутри проводят по графику и под наблюдением.

Человек в чёрном перевёл взгляд на приоткрытые стойки, задержался на них на несколько секунд, потом снова посмотрел на Георгия. Даже сквозь очки чувствовалась концентрация.

— Георгий, — произнёс он, — а возможно ли программно получить доступ к информационным ресурсам компании отсюда? Из этой комнаты?

Георгий на мгновение задумался, прикидывая архитектуру сети, которую знал досконально.

— Теоретически — да, возможно, — сказал он. — Отсюда идёт физическое подключение ко всем внутренним сетям. Если знать устройство сети, топологию, расположение серверов и программный продукт, который на них развёрнут... то с прямого доступа можно попасть куда угодно. Обойти часть систем защиты, если понимать, как они устроены. Но для этого нужен не просто случайный человек.

Он встретился взглядом с тёмными стёклами и договорил:

— Это должен быть непростой человек. Тот, кто либо работает с системой постоянно и знает её архитектуру, либо кто-то, кто очень хотел сюда проникнуть и знал, что искать. Простой взломщик с улицы сюда не попадёт и не разберётся, что к чему.

Незнакомец выслушал, не перебивая. Затем медленно, задумчиво кивнул — на этот раз не Георгию, а скорее собственным мыслям. Он ещё раз окинул взглядом приоткрытые стойки в глубине, и его пальцы едва заметно сжались в кулак и снова разжались, возможно, единственный жест, выдавший внутреннее напряжение.

Затем он поднял правую руку и указал жестом на выход. Коротко, без слов. Георгий понял.

Он безмолвно подчинился, развернулся и перешагнул порог серверной обратно в коридор. Гул вентиляторов ещё стоял в ушах, и прохлада кондиционированного воздуха держалась на коже, когда он снова оказался в коридорном полумраке второго этажа.

Там уже был кто-то ещё.

У стены, чуть поодаль от двери серверной, стоял человек в рабочей униформе. Георгий узнал его сразу, этого сотрудника он знал почти столько же, сколько работал в компании. Борис. Они пришли сюда практически одновременно, двадцать лет назад. Борис начинал подсобным рабочим, потом дорос до завхоза, а теперь занимался всем хозяйственным обеспечением офиса от ремонта до закупки расходников. Невысокий, кряжистый, с вечно озабоченным выражением на круглом лице, он обычно перемещался по зданию деловито и шумно. Но сейчас Борис стоял тихо, прижавшись спиной к стене, и смотрел на дверь серверной с таким выражением, будто оттуда сейчас выйдет не двое мужчин, а нечто совершенно иное.

Их взгляды встретились. Борис чуть приоткрыл рот, словно хотел что-то спросить, но передумал, увидев за спиной Георгия незнакомую фигуру.

Георгий, человек в чёрном, и Борис, который так и стоял у стены, переминаясь с ноги на ногу. При виде открывшейся двери серверной он заметно вздрогнул и отлепился от стены, сделав полшага вперёд и тут же застыв, словно не зная, куда деть руки. Его рабочая куртка была застёгнута не на ту пуговицу, а из кармана торчал край какой-то скомканной ведомости.

Таинственный незнакомец окинул Бориса быстрым, цепким взглядом и, кажется, мгновенно принял решение не откладывать разговор. Он чуть развернулся корпусом к завхозу, и его голос зазвучал всё с той же бесцветной, но требовательной интонацией:

— Вы Борис, если не ошибаюсь? Работаете здесь давно?

Борис суетливо кивнул, поправил воротник и отчего-то вытер ладони о штаны, хотя те были совершенно сухими.

— Так точно. Борис. Почти двадцать лет, почитай, с самого основания. Я хозяйством заведу, стало быть. Всё, что касается помещений, ремонта, ключей, расходников, это по моей части.

— Значит, вы знаете здание как свои пять пальцев, — подытожил человек в чёрном. — Входы, выходы, запасные двери, технические помещения?

— Ну а как же, — Борис нервно хохотнул, но осёкся под тёмными стёклами очков. — Я ж тут каждую щель знаю. В случае чего хоть пожар, хоть потоп, то я первый, кого вызывают. У меня и план эвакуации с собой всегда, и ключи от всех технических дверей. Могу провести куда угодно, хоть через подвал, хоть через крышу.

— От всех дверей? — переспросил человек в чёрном с едва уловимым нажимом. — Включая серверную?

Борис замялся, переступил с ноги на ногу, и его взгляд заметался между Георгием и человека в черном.

— Ну, серверная... она на особом положении. По регламенту я туда не хожу, там электронный доступ. Но ключ аварийный у меня есть на случай пожара или если дверь заблокируется. Положено по инструкции. Только я им не пользуюсь без команды, вы чего! — он выставил перед собой ладони, будто отгораживаясь от обвинения. — Там ведь оборудование, ответственность...

Человек в чёрном ничего не ответил, только чуть склонил голову, и в этом молчании Борис окончательно стушевался. Он полез в карман, выудил оттуда связку ключей, тут же уронил её на пол, торопливо поднял и снова сунул в карман, пробормотав что-то про влажность и скользкие пальцы. Георгий заметил, как один ключ всё-таки остался лежать на полу — маленький, с красной биркой, но, прежде чем он успел что-то сказать, его собственный телефон завибрировал в кармане.

Он вытащил мобильный и глянул на экран. Контакт «Марина дочка». Человек в чёрном скосил взгляд на экран, заметил имя и коротко, понимающе кивнул Георгию: отойдите и ответьте. Георгий, извинившись коротким жестом, сделал несколько шагов по коридору в сторону окна, где было тише, и приложил трубку к уху.

— Пап, привет! — голос Марины звучал бодро и чуть торопливо, как всегда, когда у неё было сто дел одновременно. — Ты не забыл? Завтра мы же идём на «Тартюфа», ты обещал!

Георгий невольно улыбнулся краешком губ. Среди всего этого тревожного утра дочкин голос был как глоток чистого воздуха.

— Привет, солнышко. Нет, не забыл. Конечно, пойдём. Во сколько начало?

— В семь! Только, пап, у меня ещё просьба... Помнишь, я заказывала книгу — «История отечественной журналистики», редкое издание, его привезли в магазин на Арбате. Можешь по дороге забрать? Я бы сама, но у меня завтра ещё консультация перед подготовительными курсами...

— Заберу, без проблем, — Георгий облокотился о подоконник, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает плечи. — Как у тебя с подготовкой вообще? Не переутомляешься?

— Пап, ну ты же меня знаешь! — в трубке послышался смешок. — Я сплю по четыре часа и читаю по две книги в день. Если честно, даже нравится. Особенно писать тесты и сочинения. Хочу на журналистику в МГИМО, сам понимаешь, там конкурс бешеный, надо быть во всеоружии.

— Умница. Я в тебе не сомневаюсь.

— Спасибо, пап. Целую!

— И я тебя!

Георгий убрал телефон и ещё мгновение постоял у окна, глядя на залитую солнцем улицу. Там текла обычная жизнь: прохожие, машины, далёкий звон трамвая. Он заставил себя вернуться в реальность, повернулся и подошёл обратно к ожидавшим.

Человек в чёрном, кажется, только что закончил какую-то фразу, обращённую к Борису, и перевёл взгляд на Георгия. Борис же, воспользовавшись паузой, снова начал перебирать свою связку, уронил её ещё раз, чертыхнулся и наконец спрятал в карман, решив, видимо, больше не доставать.

— Всё в порядке? — спросил незнакомец, и Георгию показалось, что в его голосе промелькнуло что-то почти человеческое. — Марина, если не ошибаюсь?

— Да, дочь, — кивнул Георгий. — Напоминала про завтрашние планы. Всё хорошо.

Человек в чёрном удовлетворился ответом и снова превратился в статую. Георгий решил воспользоваться моментом и озвучил вопрос, который вертелся на языке с самого начала:

— Я хотел спросить нужен ли я ещё здесь? Подниматься на третий этаж к владелице сегодня необходимо?

Человек в чёрном мягко, но непреклонно качнул головой:

— Сегодня в этом нет необходимости. Вы оказали нам всю возможную помощь. Я благодарю вас за то, что уделили время в свой выходной. А сейчас, отдыхайте. Оставайтесь на связи, Георгий.

Он сделал лёгкий жест правой рукой, обозначавший одновременно и «спасибо», и «вы свободны». Георгий перевёл взгляд на Бориса, который судорожно поправлял пуговицу на куртке и смотрел то на одного, то на другого с видом человека, который очень хочет, чтобы всё поскорее закончилось. Было очевидно, что к завхозу ещё остались вопросы, но это уже не касалось Георгия.

Он коротко попрощался сдержанным кивком с Борисом и его следователем, направившись к лестнице. Шаги гулко отдавались в пустом пролёте. Спускаясь, он слышал, как за спиной заговорили с Борисом, но теперь, когда посторонних не было, его голос звучал жёстче, настойчивее. Но слов Георгий уже не разбирал, только интонацию холодную, требовательную. И слабый, оправдывающийся голос Бориса в ответ.

Внизу, в холле, всё ещё сустились оперативники, но их стало меньше. Чёрное полотно с телом на полу уже убрали, и только прямоугольник на мраморе, вытертый до неестественной чистоты, напоминал о том, что здесь лежало. Георгий вышел через стеклянные двери и остановился на крыльце. Жара снова обрушилась на него, но теперь она казалась почти успокаивающей, потому что была настоящей, простой, лишённой двойных смыслов.

Он достал телефон, проверил, нет ли пропущенных сообщений, и задумался. Разговор в серверной, нервный бармен, испуганная сотрудница из отдела продаж, странные вопросы, приоткрытые стойки, неуклюжий Борис с ключами от всех дверей, возможно и сам Георгий под подозрением и будет ли список окончательный... И фраза человека в чёрном: «Оставайтесь на связи». Это не было дружеским пожеланием. Это было предупреждением в мягкой по форме, но с чёткими границами.

Георгий спустился по ступенькам и медленно пошёл вдоль аллеи фонтанов. Завтра его ждал рабочий день, а затем театр и дочка. А пока оставалось только ждать. И помнить, что в этом деле каждый, даже самый безобидный сотрудник, вдруг перестал быть тем, кем казался вчера.

Он сделал несколько шагов в сторону города, когда заметил знакомую фигуру, двигавшуюся навстречу.

Старший сержант Ковалёв шёл не спеша, опустив голову, и его широкая ладонь придерживала небольшой блокнот, раскрытый на середине. Он не смотрел по сторонам, всё его внимание было поглощено исписанными страницами. Губы едва шевелились, перечитывая собственные пометки, а большой палец свободной руки методично пролистывал края уже заполненных листов, взъерошивая их, как колоду карт. Его поза была расслабленной, даже вальяжной ведь так ходят люди, которые временно выпали из суеты и погрузились в собственные мысли.

Они поравнялись у крайнего фонтана. Георгий остановился, провожая полицейского взглядом, и в этот момент тишину аллеи разорвал металлический треск рации, закреплённой на плече Ковалёва. Сквозь шипение и треск помех прорвался голос — глухой, бесцветный, с той самой металлической нотой, которую Георгий узнал бы из тысячи. Таинственный незнакомец говорил отрывисто и требовательно, и динамик рации делал его голос ещё более чужим и механическим.

— Ковалёв! На связь!

Сержант мгновенно выпрямился, захлопнул блокнот одним движением и поднёс рацию к губам. Вся его расслабленность испарилась в долю секунды.

— На связи! — ответил он чётко, по-военному.

Георгий стоял всего в нескольких шагах и слышал каждое слово. Он не пытался подслушивать разговор сам настиг его посреди аллеи, как настагает внезапный порыв ветра.

— Вы повторно опросили бармена? — голос человека в чёрном был сух и деловит, но в нём проскальзывало нетерпение.

— Так точно, опросил, — Ковалёв говорил коротко, без лишних подробностей.

— Принесите мне его показания. Немедленно.

— Принято. Будет через пять минут.

Ковалёв отпустил кнопку рации, и та снова зашипела, возвращаясь в режим ожидания. Он аккуратно, почти бережно поправил антенну, сунул блокнот в нагрудный карман и, больше не глядя по сторонам, быстрым, размашистым шагом направился обратно к зданию. Его фигура мелькнула в потоке солнечного света, отбрасывая короткую тень на брусчатку, и скрылась за стеклянными дверями главного входа.

Георгий остался один. Фонтаны продолжали свой вечный танец, солнце палило, но теперь он не чувствовал ни жары, ни усталости. Мысли закрутились с новой силой.

Бармен. Тот самый, у которого всё валилось из рук, который не спал ночь и чей взгляд метался по залу, как загнанный зверь. Его уже опрашивали и, судя по информации человека в чёрном, опрашивали не один раз. Что он знал? Что видел? И почему его показания требовались с такой срочностью?

Георгий перевёл взгляд на город, раскинувшийся перед ним. Аллея уходила вдаль, к проспекту, где шумели машины и жил своей жизнью огромный мегаполис. Можно было пойти домой, его ведь отпустили. Формально он был свободен. Но где-то там, в кафе, работал бармен, чьи руки дрожали, а глаза выдавали куда больше, чем слова. И где-то внутри офиса человек в чёрном продолжал задавать вопросы, на которые у Георгия пока не было ответов.

Он достал телефон, проверил время. До вечера было ещё далеко. Маршрут вырисовывался сам собой не домой, нет. Сначала туда, где всё и началось этим утром. В кафе. Просто чтобы выпить ещё один кофе. И, возможно, услышать то, о чём молчат протоколы. До кафе идти было действительно недалеко, всего несколько минут по раскалённой брусчатке, мимо фонтанов и сонных от жары деревьев. Но он нарочно замедлил шаг, давая себе время подумать. Он понимал, что просто зайти и с ходу начать расспрашивать бармена было бы ошибкой. Человека уже допрашивали дважды. После первого раза у него дрожали руки, после второго он, должно быть, на грани. Любое неосторожное слово могло захлопнуть раковину, в которую бармен уже спрятался. Нужен был другой подход — лёгкий, почти случайный. Нужно было отвлечь его, расслабить, дать выдохнуть.

Георгий прокрутил в голове историю, которая могла бы сработать. Ворона. Да, та самая нелепая сцена с девушкой из отдела продаж, из-за которой он остался без кофе. Если переиначить историю, заменив девушку на ворону, то получится забавно и безобидно. Птица-проказница, стаканчик на асфальте, немного самоиронии то, что нужно, чтобы вызвать у собеседника улыбку.

Он толкнул стеклянную дверь, и колокольчик над входом мелодично звякнул. Внутри было всё так же прохладно и пустынно. Пожилая пара уже ушла, молодая тоже. Только в углу, у окна, сидел одинокий посетитель с ноутбуком. За барной стойкой, опустив плечи и глядя в одну точку, стоял бармен.

Вид у него был ещё более измотанный, чем час назад. Круги под глазами обозначились резче, волосы растрепались, а на виске по-прежнему блестела испарина, хотя кондиционер всё так же работал исправно. Он поднял взгляд на звук колокольчика, узнал Георгия и попытался изобразить дежурную улыбку, но вышло нечто среднее между гримасой и извинением.

— О, вы снова, — пробормотал он и отчего-то снова вытер ладони о фартук. — Что-то забыли?

Георгий подошёл к стойке, облокотился на неё и позволил себе усмехнуться открыто, без тени напряжения.

— Представляете, — начал он, растягивая слова, будто рассказывал старому приятелю забавный случай, — купил у вас кофе, вышел, иду себе по улице, никого не трогаю. И тут откуда ни возьмись ворона. Здоровая такая, наглая. Спикировала прямо мне на руку, стаканчик выбила, и весь кофе — на асфальт. Представляете? Я стою как дурак с пустыми руками, а она ещё и на стаканчик села и смотрит на меня, будто это я ей должен!

Бармен моргнул. Потом ещё раз. А потом вдруг фыркнул — не сдержался. Смех вышел короткий, но искренний.

— Ворона? Серьёзно? — переспросил он, и в его голосе впервые за сегодня прорезалось что-то живое. — Так это, наверное, наша, местная! Она тут уже месяц ошивается. У нас вечно крошки на летней веранде ворует и у посетителей из рук печенье выхватывает. Ни стыда, ни совести! Меня не так давно наняли, но с ней я тоже успел познакомиться.

Он покачал головой, всё ещё улыбаясь, и его плечи немного опустились, перестав напоминать натянутые струны.

— Короче, — Георгий развёл руками, — кофе пал смертью храбрых. Вороне, правда, тоже немного досталось она, кажется, не ожидала, что стаканчик горячий. Улетела с возмущённым карканьем.

Бармен уже откровенно посмеивался, протирая стойку салфеткой. Его движения стали плавнее, и руки перестали дрожать.

— Вот это история, — выдохнул он. — Спасибо, повеселили. Давайте я вам новый кофе сделаю, раз так вышло. И знаете, что... — он на мгновение задумался, а потом хитро прищурился, — за рассказ про ворону и причинённые ею неудобства фирменная шоколадка от заведения. У нас их недавно начали делать, с апельсиновой цедрой и морской солью. Попробуйте.

— Уговорили, — Георгий кивнул. — А что посоветуете из вкусностей? Круассаны, кажется, у вас свои?

— Да, печём прямо здесь, — бармен с гордостью кивнул в сторону кухни. — Сегодняшние, утренние. С миндалём особенно хороши. Принести?

— Несите. И кофе тот же самый — три сахара.

Бармен принялся за работу, и теперь его движения были совсем другими: спокойными, размеренными, почти медитативными. Он ловко настраивал кофемашину, достал круассан с витрины, аккуратно выложил на тарелку. Рядом с чашкой положил обещанную шоколадку в золотистой фольге.

Георгий наблюдал за ним и ждал. Когда кофе был готов и круассан занял своё место на стойке, он словно невзначай обронил:

— Я тут мимо офиса проходил... Вы, наверное, видели, сколько машин на площади? Полиция, скорая, следственный комитет. Всё оцеплено. Бегают туда-сюда. Наверняка что-то серьёзное случилось, как думаете?

Бармен перестал улыбаться, но не замкнулся. Он вздохнул, опёрся ладонями о стойку и доверительно понизил голос:

— Да я и сам теряюсь в догадках. Честно говоря, ко мне уже из полиции заходили... дважды. Спрашивали про утро, про посетителей.

— И что вы им рассказали? — Георгий говорил мягко, без напора, просто поддерживая беседу.

— Да ничего особенного, — бармен пожал плечами. — Рано утром, часов около четырёх, заходил охранник из офисного здания. Он иногда заглядывает в ночную смену, когда дежурит. Я его знаю, спокойный такой мужчина, всегда поздоровается, парой слов перекинется.

Георгий сделал глоток кофе и одобрительно кивнул, показывая, что слушает.

— Он заказал кофе, — продолжал бармен, всё больше оживляясь, — мы с ним поговорили про погоду, про жару эту... Он ещё спросил про круассаны, а их ночью не пекут. Так что взял пирожок с мясом. Попросил всё завернуть в бумажный пакет, с собой.

— И вы запомнили точное время? — Георгий удивлённо приподнял бровь, словно восхищаясь такой наблюдательностью.

Бармен чуть смутился, но было видно, что вопрос ему приятен.

— Да я бы и не запомнил, честно говоря, — он закатал рукав футболки, показывая фитнес-браслет на запястье. — У меня часы каждый час пикают. В четыре пропищали, я как раз сдачу ему протягивал. А когда он уходил, было примерно четверть пятого. Потому что я на часы глянул и подумал, долго ещё до конца смены.

Георгий, сохраняя всё тот же непринуждённый тон, задал следующий вопрос, и бармен уже не воспринимал его как допрос:

— А он не задерживался у входа? Или сразу ушёл?

— Да нет, — бармен прищурился, восстанавливая в памяти детали. — Вышел, прикурил сигарету, постоял немного. Я в окно видел, пока стаканчики протирали. Он пару минут покурил, затянулся пару раз и пошёл за угол. Обратно, наверное, на свой пост. Он обычно так и делает, быстро перекусит и возвращается. Я ещё подумал: молодец мужик, дисциплинированный.

Георгий допил кофе, доел круассан и, потянувшись за телефоном, произнёс:

— Спасибо вам большое. И за кофе, и за компанию. Давайте счёт.

Бармен назвал сумму, и Георгий приложил телефон к терминалу. Тот пискнул, подтверждая оплату. А затем Георгий полез в карман, достал бумажник, выудил оттуда купюру и аккуратно положил её рядом с чеком.

— Это на чай, — сказал он, глядя бармену прямо в глаза. — За отличный сервис и за шоколадку.

Бармен на мгновение растерялся, потом просиял — уже не дежурной, а настоящей улыбкой:

— Благодарю вас! Я... честно, не ожидал. Спасибо большое.

— До свидания, — Георгий кивнул и направился к выходу.

Колокольчик снова звякнул за спиной. Он вышел на раскалённую улицу, и жара обняла его с новой силой. Но теперь в голове выстраивалась картина. Охранник. Четыре утра. Сигарета, пирожок, несколько минут у входа и шаги за угол, туда, где расположен вход в здание. Георгий не знал, какую роль сыграл этот человек в сегодняшних событиях. Но одно стало ясно, что в то утро он был одним из последних, кто видел, как компания ещё жила своей обычной жизнью.

Георгий не спеша двинулся по аллее, провожая взглядом струи фонтанов. Теперь у него была зацепка. И имя, которое бармен не назвал, но которое Георгий, проработавший в компании двадцать лет, мог угадать и сам.

Георгий медленно брел по аллее фонтанов, не замечая ни брызг, ни гула проезжающих машин. Внутренний голос, обычно спокойный и рассудительный, теперь работал с той же мето-

дичностью, с какой он привык разбирать сложные технические задачи. Только вместо цифр и логов перед ним выстраивались факты, обрывки фраз и образы людей, встреченных за это странное, вывернутое наизнанку утро.

Он восстанавливал в памяти сцену в холле, и та с каждой минутой обретала новые, пугающие очертания. Чёрное полотно на полу. Очертания человеческого тела под плотной тканью. Медики, которые ждали в стороне, но не спешили — значит, торопиться было уже не к кому.

Человек под полотном. Кто?

Вариантов было немного. Первая и самая очевидная версия напрашивалась сама собой: охранник. Тот самый, о котором только что рассказывал бармен. Мужчина, который около четырёх утра зашёл в кафе, купил кофе и пирожок, поговорил о погоде, вышел покурить и скрылся за углом, возвращаясь на свой пост. Больше бармен его не видел. А если не видел, то и вернуться обратно он уже не мог.

Георгий мысленно выстроил хронологию. Четыре утра бармен слышит писк фитнес-часов, когда протягивает сдачу. Около четверти пятого, охранник заканчивает курить и уходит за угол, в сторону офиса. А что было дальше? Дальше, судя по тому, что видел Георгий в холле, наступает пустота. Тишина. И чёрное полотно на мраморном полу. Если тело принадлежит охраннику, то смерть наступила именно в этом временном промежутке: после того, как он покинул кафе, и до того, как в здании началась вся эта суета со спецслужбами.

И тут же неопровержимый довод: охранник покинул пост в нарушение инструкции. Георгий знал регламент не понаслышке. Пост охраны это не просто стул и мониторы, это зона ответственности, которую нельзя оставлять без присмотра ни при каких обстоятельствах. Охранник ушёл. Пусть на пятнадцать минут, пусть в соседнее кафе, но он оставил пост. И этот факт теперь уже неопровержим есть свидетель, есть показания, есть время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.